

ЕЩЕ ЗАДОЛГО до войны запомнилось, как всегда тщательно была отутюжена — ни единой морщинки — гимнастерка, которую обычно носил Михаил Александрович Шолохов. С юных лет — со службы в продотряде и со времен коллективизации — ему было не привыкать к ней. Как влитая, облегла его плечи и грудь.

«Я еще не видел такого богатыря, — рассказывал однажды ростовский профессор А. С. Воронов, которому пришлось летать на У-2 в Вешенскую по вызову родных Михаила Александровича: он подхватил на охоте воспаление легких. — Но лечиться совсем не любит».

В дни войны я уже увидел на гимнастерке у Шолохова знаки полкового комиссара. Как известно, он сразу же после гитлеровского нападения на нашу страну послал наркомму обороны телеграмму с просьбой зачислить его в действующую армию. Червонели на петлицах четыре шпалы, белоснежно сверкала каемка подворотничка, который Шолохов никогда не перепоручал подшивать к своей гимнастерке никому, за исключением тех дней, когда накоротке вырывался в родную станицу Вешенскую. Тогда все заботы о сыне немедленно забирала в свои руки его мать, Анастасия Даниловна, не позволяя этого никому, даже Марусе, как она любовно называла его жену, Марию Петровну.

И весь он, подтянутый, с туго, по-солдатски подогнанным ремнем, с выющимся из-под пилотки колоском пшеничных волос, добрым взглядом и мгновенной обжигающей улыбкой был удивительно хорош. За месяц до начала войны ему исполнилось всего тридцать шесть лет. К званию академика теперь у него добавилось звание полкового комиссара. Но обслуживал он себя на фронте всегда сам. Ни адъютанта, ни ординарца полковой комиссар Шолохов не имел. Если же кто иногда и сопровождал его на переднем крае, так это политработники или армейские журналисты. Приезжая на Западный или Южный фронты, не откладывая, он спешил по ходам сообщения сразу же добраться туда, где

мог встретиться и побыть рядом с теми, кто потом вскоре заговорил в его рассказе «Наука ненависти» и в первых главах романа «Они сражались за Родину», публиковавшихся в «Правде», языком Герасимова, Лопахина, Звягинцева. Сокрушительную силу слова Шолохова враги нашей Родины почувствовали с первых же дней войны и не замедлили

ПАМЯТЬ

МАТЬ И СЫН

Анатолий КАЛИНИН

своей мстостью великому советскому писателю.

Они решили, что вернее всего его можно будет достать в станице Вешенской, куда он вырывался с передовой, чтобы в тишине под родными звездами еще теснее прикоснуться своим сердцем к сердцу сражающейся Родины и найти единственно необходимые ей в этот час слова ободрения и ласки.

Но когда в июле 1942 года приехал он в Вешенскую, линия фронта уже вплотную приблизилась и к верховьям Дона. В разгаре было летнее наступление гитлеровцев на юге. На Вешенскую, которая лежит на восточном крутом берегу Дона, уже накатывалось эхо артиллерийской канонады и бомбовых ударов, по ночам багрово трепетала западная окраина неба. Однако наши части не собирались отдавать врагу этот рубеж. Вместе с бойцами армии, среди которых, кстати, были и те, которыми командовал Николай Грибачев, ныне известный советский поэт, на сооружение укрепления на крутом берегу Дона высыпали казаки, старики и школьники не только из Вешенской, но и из всех других придонских станиц и хуторов.

Июльским утром домой к Михаилу Александровичу пришли на совет его друзья дней коллективизации — сек-

ретарь Вешенского райкома, а теперь еще и командир только что созданного партизанского отряда Петр Кузьмич Луговой и член бюро райкома, заместитель командира отряда Петр Акимович Красюков. За ночь тревожное эхо еще больше приблизилось к станице.

— Как, Михаил Александрович, будем с эвакуацией? — спрашивал Луговой.

— Думаю, что у Вешек немцам Дона не перейти, — сказал Михаил Александрович, — тут наше командование стянуло хороший кулак, но так или иначе женщин с детишками и технику лучше отправить за Волгу.

Заглянувшая в эту минуту со двора в дом Анастасия Даниловна, услышав его слова, наотрез заявила:

— Я, Миша, здесь останусь. Незачем мне мыкаться. А Марусе с детишками оставаться нельзя.

— Ты бы, мама, лучше нам своих бубликов спекла, — ласково сказал Михаил Александрович. — Я их часто на фронте вспоминаю.

И когда за матерью открылась дверь, он снова повернулся к своим товарищам, вместе с которыми привык обсуждать и решать все районные дела еще с тех пор, когда он по горячим следам коллективизации писал здесь и читал им вслух первые главы «Поднятой целины».

Вскоре Анастасия Даниловна принесла им из легкой кухни горячие бублики, и они тут же набросились на них, нахваливая. Довольная, она поощрила их:

— Ешьте, ешьте. У меня там еще пекутся, сейчас принесу.

Но не успела... Вдруг из-за Дона, со стороны Базков, сразу надвинулся на станицу глухой завывающий гул

и, стремительно нарастая, заполнил собой все небо. Шолохов с товарищами выскочили во двор. Первый «юнкерс», заходя на Вешенскую от Базков, уже находился над лесом, тем самым, в котором когда-то нечаянно уснула на траве одурманенная запахом ландышей Акусинья, и, накренив крыло, уже шел на снижение по строгой прямой к Шолоховскому дому. Нет, как не раз рассказывал мне потом в подробностях Петр Акимович Красюков, который после войны много лет жил и работал в нашем районе, не вслепую выбирал себе этот самолет с крестами цель в Вешках. Не вразброс сорил бомбами над станицей. У него было точное боевое задание. Заслышав свист над головой и попрыгав с крыльца, Красюков с Луговым едва успели упасть с двух сторон под стены дома, а Шолохов — под стенку гаража, как волной взрыва, взметнувшего землю с песком во дворе, ударило их.

...То, что осталось от Анастасии Даниловны, матери Михаила Александровича Шолохова, собрали потом на полпути между летней кухней и домом, куда она спешила с горячими бубликами, только что испеченными для своего сына и его товарищей.

Незадолго до войны она наконец выучилась грамоте, чтобы впредь уже самостоятельно читать и «Тихий Дон», и другие книги, написанные ее Мишаткой, как она иногда продолжала называть его по своей материнской привычке. «Тихий Дон» и первую книгу «Поднятой целины» она все-таки успела прочитать.

Все время первые вешенские тюльпаны, лазоревые цветки, приносил к ее изголовью сын в День Победы. Такие же, как и те, что теперь складывают к его изголовью благодарные люди, которые едут и едут в Вешенскую со всей страны и со всего мира поклониться ему, вечному и великому воину за правду и справедливость на земле.

Хутор Пухляковский,
Ростовская область.